

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-25-35
УДК 322(045)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Донцев Сергей Павлович, канд. полит. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
dontsev@gmail.com

Бойко Сергей Иванович, канд. полит. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия
bsi1952@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать роль религиозного фактора в формировании и реализации государственной политики памяти современной России и Беларуси. Актуальность работы обуславливается повышением роли религиозного фактора в политике памяти двух государств в первом десятилетии XXI в. Задача исследования – выявление общего и особенного в проявлениях религиозного фактора политики памяти России и Беларуси. Для ее решения выявляются субъекты и механизмы взаимодействий государственных и религиозных институтов при формировании и реализации политики памяти. Доказывается, что в России религиозные организации обладают большей субъектностью в политике памяти и могут формировать дополняющий дискурс памяти, расширяя его за счет собственной конфессионально ориентированной системы интерпретации прошлого. Религиозный фактор процессов политической социализации в контексте проблематики политики памяти выявляется при анализе взаимодействий религиозных организаций двух стран с системами государственного образования и Вооруженными силами. Сделаны выводы о схожести стратегий подобного взаимодействия в России и Беларуси. Показано, что в обоих государствах осуществляется избирательное взаимодействие с религиозными организациями по критерию их традиционности. Делается также вывод о том, что Россия и Беларусь формируют не самостоятельные, а взаимодополняющие каналы социализации при реализации государственной политики памяти. Анализируется также процесс формирования символического пространства и возможности участия в этом процессе религиозных организаций, и в первую очередь Русской православной церкви, которая выступает здесь ключевым актором. Религиозный фактор политики памяти исследуется также в контексте интеграции России и Беларуси. Делается вывод, что попытки задействовать его, выстраивая ценностные основания интеграции на концепциях общего исторического прошлого, пока не увенчались успехом, но подобная возможность сохраняется.

Ключевые слова: политика памяти; историческая политика; государственно-религиозные отношения; политическая социализация; система государственного образования; государственная символика; Русская православная церковь; Республика Беларусь

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31297.

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE POLITICS OF MEMORY IN CONTEMPORARY RUSSIA AND BELARUS: COMPARATIVE ANALYSIS**

Dontsev S.P.,

PhD of Political Sciences, Associate Professor, Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia
donstev@gmail.com

Boyko S.I.,

PhD of Political Sciences, Associate Professor, Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia
bsi1952@yandex.ru

Abstract. *The article attempts to analyse the role of the religious factor in the formation and implementation of Politics of memory in modern Russia and Belarus. The urgency of work is caused by the increasing role of the religious factor in the politics of memory of the two States in the first decade of XXI century the research Objective – identify and similarities in the manifestations of the religious factor in the politics of memory of Russia and Belarus. For this purpose, we identified the subjects and mechanisms of interaction of state and religious institutions in the formation and implementation of memory policy. We showed that in Russia, religious organisations have a greater subjectivity in the politics of memory and can form a complementary discourse of memory and expand it at the expense of their system of interpretation of the past. As concerns the religious factor of the processes of political socialisation in the context of the policy of memory we revealed in the interaction of religious organisations of the two countries with the systems of public education and the armed forces. We concluded the similarity of the strategies of this interaction in Russia and Belarus. We showed that in both states, the selective interaction with religious organisations is carried out according to the criterion of their tradition. We also concluded that religious organisations do not form adversarial, but complementary channels of socialisation in the implementation of the state policy of memory. The process of creating a symbolic space and the possibility of participation of religious organisations, especially the Russian Orthodox Church, which is a key actor here, is also analysed. We also studied the religious factor of memory policy in the context of integration of Russia and Belarus. We concluded that the attempts to use it building the value basis of integration on the concepts of the collective historical past have not yet been successful, but such an opportunity remains.*

Keywords: *politics of memory; historical politics; state-religious relations; political socialisation; state educational system; state symbols; Russian Orthodox Church; Republic of Belarus*

ВВЕДЕНИЕ

Современные государства, решая задачи формирования национальной и гражданской идентичности, патриотизма, консолидации социума вокруг общих ценностей и легитимации политической власти, могут формировать и реализовывать политику памяти. Историческая политика является составной частью политики памяти, которая, в свою очередь, включает в себя всю сферу публичных стратегий в отношении прошлого [1, с. 114]. При формировании политики памяти государство может использовать элементы религиозного дискурса и задействовать ресурсы религиозных организаций, которые

в ряде случаев сами могут приобретать политическую субъектность, становиться действующими акторами политики памяти.

Вопросам концептуальных и методологических оснований изучения политики памяти на постсоветском пространстве, преимущественно в контексте проблем формирования национальной идентичности, посвящен ряд работ российских и зарубежных исследователей, среди которых следует особо отметить работы А. И. Миллера, Г. А. Бордюгова, В. М. Бухарева, В. А. Ачкасова, В. В. Титова и др. [2–5], а также работы в рамках проекта «Национальные истории на постсоветском пространстве», посвященные

** The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research, according to the research project № 19–011–31297.

анализу этнонационального фактора в политике памяти, роли новых политических элит в инструментализации прошлого, в том числе на примерах России и Беларуси [7, 8].

Существуют также исследования, в которых предпринимается попытка оценить влияние отдельных элементов религиозного фактора на российскую политику памяти (Митрофанова А. В., Растемишина Т. В., Донцев С. П. и др.) [9–11]. В Беларуси религиозный фактор для решения прикладных задач политики памяти (формирования гражданской идентичности, интеграции социума и т. д.) в отдельных своих аспектах представлен в работах Ю. В. Шевцова, Т. Б. Уваровой, Н. А. Курило и др. [12–14].

Однако комплексный сравнительный анализ роли религиозного фактора в формировании и реализации политики памяти двух государств пока еще никто не проводил. Для решения этой задачи представляется необходимым выделить субъекты политики памяти в ее религиозном аспекте, проанализировать роль религиозного фактора политики памяти в процессе политической социализации через систему государственного образования и Вооруженные силы, его проявления в символическом пространстве двух государств, а также оценить его потенциал в процессе интеграции двух государств.

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

В России и Беларуси основными субъектами политики памяти являются государственные институты. При этом в настоящее время в обеих странах отсутствуют финансируемые государством организации, подобные институтам национальной памяти на Украине и в Польше, Центру геноцида и резистенции в Литве, Комиссии по установлению числа жертв тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР в Латвии и т. п., которые бы непосредственно отвечали за формирование и реализацию государственной политики памяти. В России и Беларуси эти функции распределены между главами государств, органами представительной и исполнительной власти — в первую очередь Министерствами культуры и образования, которые в рамках культурной и образовательной политики реализуют государственную политику памяти. В России существует также формат государственно-общественных организаций, как, например, созданное Указом Президента Военно-историческое общество, в задачи ко-

торого входит «содействие государственным институтам российского общества в разработке и реализации государственной политики в сфере военно-исторической деятельности»¹. И хотя оно занимается преимущественно популяризацией военно-исторического наследия России, религиозная составляющая в его проектах, безусловно, присутствует. Так, общество инициировало открытие памятников князю Владимиру, полковому священнику в Малоярославце, Силуану Афонскому в Липецкой области, Сергию Радонежскому в Рязани, Святителю Луке в Тамбове, религиозная проблематика присутствует также в научных и просветительских мероприятиях общества.

Особое значение в контексте настоящего исследования имеет вопрос субъектности религиозных организаций в качестве акторов политики памяти. И российское, и белорусское гражданские общества — многоконфессиональные, но в обоих государствах крупнейшие религиозные организации — православные церкви. В Беларуси — Белорусский экзархат Московского патриархата или Белорусская православная церковь (далее БПЦ), являющаяся административно-территориальной единицей Русской православной церкви (далее — РПЦ). Государственные структуры взаимодействуют только с теми религиозными организациями, которые представляют традиционные религии, перечисленные в преамбулах законов, регулирующих вопросы свободы совести и государственно-религиозных отношений. Причем если в преамбуле российского закона говорится только о религиях (конфессиях) с выделением особой роли православия «в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры»², то в белорусском законе речь идет не только о религиях, но и о конкретных религиозных объединениях — Православной, Католической, Евангелическо-лютеранской церквях³. Также отметим, что традиционность религий

¹ Работа с государственными и общественными организациями. Сайт Военно-исторического общества. URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/work-with-government-and-community-organizations>.

² Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ред. от 01.05.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218.

³ Закон Республики Беларусь от 17.12.1992 № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» с изм. и доп. URL: <http://etalonline.by/document/?regnum=v19202054>.

в Беларуси (которая, в отличие от России, не провозгласила в своей Конституции принципы светскости и отделения религиозных объединений от государства) объявляется, по сути, конституционной нормой. Статья 16 Конституции Республики Беларусь взаимоотношения государства и религиозных организаций ставит в зависимость от их влияния «на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа»⁴. В развитие этого положения Белорусское государство заключило Соглашение о сотрудничестве с БПЦ, в котором говорится, что именно «исторический опыт, духовный потенциал и многовековое культурное наследие» церкви оказывают влияние на формирование духовных, культурных и национальных традиций белорусского народа, а ее духовные и культурные ценности являются составной частью «исторического достояния Беларуси и национального самосознания». Среди приоритетных направлений сотрудничества и сфер совместной деятельности церкви и государства выделены развитие исторического и культурного наследия, воспитание и образование, воспитательная работа с военнослужащими и сотрудниками военизированных формирований, а также названы соответствующие республиканские органы государственного управления, с которыми церковь выстраивает отношения по совместной реализации указанных направлений, безусловно связанных с политикой памяти: Министерство образования, Министерство культуры, облисполкомы и Минский горисполком, Министерство обороны и другие силовые министерства. Однако, в отличие от России, где, несмотря на очевидное доминирование РПЦ в институциональных взаимодействиях с религиозными организациями [15], наблюдается также и достаточно интенсивное сотрудничество с исламскими, буддийскими, иудейскими религиозными организациями (что особенно заметно на региональном уровне, в национальных республиках с преобладанием мусульман и буддистов), в Беларуси, несмотря на ее многокофессиональный характер, государство взаимодействует исключительно с РПЦ.

В России трансляция ценностей и образов прошлого может осуществляться церковью при

взаимодействии с государственными институтами. Это достаточно интенсивный процесс, и при этом РПЦ может формировать если не альтернативный, то как минимум расширяющий содержание определенных исторических сюжетов публичный дискурс, связанный с прошлым [11]. В Беларуси же ничего подобного не происходит. Интерпретация прошлого, транслируемая представителями Белорусского экзархата РПЦ, практически никогда не выходит за рамки тех ценностных оснований, которые заложены идеологией государства. При этом, как отмечает Н. А. Борисов, идеология Белорусского государства направлена на формирование причудливого сплава советской и национальной белорусской идентичностей с преобладанием первого компонента [16, с. 37]. Вот именно для реализации второй ее составляющей государство и может задействовать ресурсы православной церкви. Так, в 2016 г. был принят комплексный план мероприятий БПЦ и Министерства культуры Республики Беларусь, включающий обширный перечень совместных мероприятий, в том числе в государственных учреждениях культуры, который вполне можно рассматривать в контексте указанной задачи.

Необходимо также отметить, что субъектность религиозных организаций в России проявляется еще и в том, что они могут сами формировать предложения, связанные с государственной политикой памяти, которые затем воплощаются государством в жизнь (например, о новых государственных праздниках и памятных датах, что более подробно будет рассмотрено ниже). В Беларуси ничего подобного не наблюдается. Как следствие, у РПЦ и других российских религиозных организаций значительно более развиты институты артикуляции собственного видения содержания политики памяти. Можно отметить Межрелигиозный совет России, Русский народный собор, являющийся коммуникационной площадкой между церковью, обществом и государством, а также такой специализированный институт, как Патриарший совет по культуре, который с 2010 г. проводит многочисленные встречи и выставки, связанные с исторической проблематикой, принимает активное участие в подготовке и проведении Дней славянской письменности и культуры. Но, наверное, самый масштабный проект Совета, связанный с политикой памяти, — это участие в создании системы мультимедийных историче-

⁴ Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г.: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24.11.1996 и 17.10.2004. URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus>.

ских парков «Россия — моя история» в регионах Российской Федерации.

В Беларуси же субъектность таких организаций, как «Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла», общественное объединение «Центр православного просвещения преподобной Евфросинии Полоцкой» и др. в качестве акторов политики памяти значительно ниже, хотя они и обозначены в качестве отдельных субъектов сотрудничества с Министерством образования Республики Беларусь⁵.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

Система государственного образования является ключевым институтом социализации населения и в рамках этой задачи транслирует учащимся определенный образ прошлого. Соответственно здесь может проявиться и религиозный фактор. В России в системе государственного образования на протяжении последних лет осуществляется интеграция культурологического блока дисциплин, в рамках которых предлагается интерпретация значимых для государства исторических сюжетов, но при этом связанных с религиозной традицией или иллюстрирующих роль религии и религиозных деятелей в исторических событиях. Значительное количество таких культурологических дисциплин, как основы православной, исламской, буддийской или иудейской культуры, этика или искусство соответствующих религиозных традиций, были широко представлены в рамках регионального образовательного компонента в средних школах России в 2006–2009 гг. Затем, после отмены региональной компоненты в образовательных программах, содержание таких курсов было включено в соответствующие модули комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Эти модули и стали площадкой, с помощью которой религиозные организации могут донести до учащихся собственную конфессионально ориентированную интерпретацию сюжетов российской истории, так как их представители активно участвовали в разработке методического обеспечения модулей. Безусловно, религиозные организации взаимодействовали с системой государствен-

ного образования и по иным вопросам (государственной аккредитации религиозных вузов, введения в перечень научных специальностей теологии), но они очень опосредованно связаны с политикой памяти.

В Беларуси же в 2003 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве БПЦ с Министерством образования, с этого года начал осуществляться совместный инновационный проект «Духовно-нравственное воспитание дошкольников и младших школьников на православных традициях белорусского народа», завершающей частью которого стало введение факультативного курса «Основы православной культуры. Православные святыни восточных славян». Характерно, что среди задач факультатива указано «создание условий для последовательного приобщения учащихся к духовно-нравственным ценностям и формирования гражданского патриотизма», что вполне можно рассматривать в контексте политической социализации⁶.

В целом можно сказать, что в России и Беларуси государство выстроило механизмы сотрудничества с религиозными организациями, активно привлекая их ресурсы и ценностную систему к процессам социализации населения через образование. В том числе и в тех аспектах, которые связаны с политикой памяти. Отличие проявляется в том, что в России в этом процессе задействованы крупнейшие религиозные организации, а в Республике Беларусь взаимодействия ограничиваются только БПЦ.

То же самое можно сказать и про взаимодействия религиозных организаций с Вооруженными силами. В их рамках также возможна трансляция ценностей, имеющих отношение к прошлому, и их также можно рассматривать в контексте социализации граждан. РПЦ обосновывает необходимость взаимодействия с Вооруженными силами задачами «возвращения воинства к веками утвержденным православным традициям служения Отечеству»⁷. Однако если в России эта традиция достаточно очевидно прослеживается на протяжении многовековой истории, то в Беларуси, которая обрела государственность только в прошлом веке, подобную

⁵ Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской православной церковью. URL: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/Dir0442/Page0458.html>.

⁶ Официальный сайт Московского патриархата. URL: www.patriarchia.ru/db/text/1259235.html.

⁷ Основы социальной концепции Русской православной церкви. Сборник документов и материалов юбилейного Архиерейского собора Русской православной церкви, 13–16 августа 2000 г. Н. Новгород. 2000:206–207.

военную традицию, тем более православную, обнаружить сложнее. Соответственно ее можно реконструировать, однако это может привести к опасным последствиям в контексте уже внутригосударственных войн памяти. Возьмем, например, битву под Оршей 8 сентября 1514 г. в ходе войны 1512–1522 гг., в которой русское войско потерпело поражение от объединенных войск Великого княжества Литовского и Королевства Польского, контролирующих в тот период территорию Беларуси. В альтернативном дискурсе памяти национально ориентированных групп это событие — и есть славная страница белорусской военной истории, пример героического противостояния московской экспансии. Религиозный же фактор позволит интерпретировать это событие как противостояние католичества и православия на западных рубежах православного цивилизационного ареала. Подобных сюжетов, иллюстрирующих сложность реконструкции национальных военных традиций, в Беларуси немало, поэтому закономерно, что в этом вопросе Белорусское государство ограничивается периодом Великой отечественной войны, в котором религиозный фактор является далеко не ключевым. Тем не менее сотрудничество БПЦ с Вооруженными силами достаточно интенсивно и во многом похоже на то, что наблюдается в России [17]. Да, в Беларуси отсутствует пока институт военного духовенства (в России он появился в 2009 г. по инициативе Межрелигиозного совета России), но также активно ведется пастырская работа, на территориях воинских частей возводятся храмы, духовенство участвует в церемониях присяги, освящения знамен, проводит занятия с военнослужащими, участвует в торжествах, посвященных памятным Дням воинской славы, и т.п.⁸

Реализация Соглашения о сотрудничестве Министерства обороны Республики Беларусь и БПЦ предусматривает взаимодействие по нескольким направлениям работы. Выделим только те сюжеты Соглашения, которые относятся к политике памяти: возрождение православных воинских традиций и ритуалов; участие священнослужителей в мероприятиях, посвященных памятным датам; содействие

сохранению историко-культурного наследия; участие представителей церкви в мероприятиях военно-патриотической направленности; подготовка и публикация в периодических изданиях Министерства обороны и БПЦ историко-патриотических материалов⁹.

В России в 1996 г. между Министерством обороны и РПЦ также было подписано Соглашение о сотрудничестве, в котором говорится о взаимодействии в деле возрождения православных традиций российской армии и флота, участии священников в воинских ритуалах и торжествах, посвященных памятным датам в истории страны и Вооруженных сил¹⁰.

В целом и в России, и в Беларуси задачи реализации права верующих военнослужащих на свободу совести и вероисповедания, воспитательные задачи и задачи социализации оказываются взаимосвязанными и предполагают обращение к историческому прошлому, а религиозные организации (в России — преимущественно РПЦ и другие традиционные религиозные организации, а в Беларуси — исключительно БПЦ) на основе соглашений о сотрудничестве участвуют в решении указанных задач.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СИМВОЛИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Россию и Беларусь объединяет сохранение элементов советской символической системы при формировании нового символического пространства государства. В России сформировалась эклектичная система государственных символов, объединяющая крайне разнородные элементы, как имеющие советское происхождение (например, музыка государственного гимна), так и полностью реконструированные (например, большая часть государственных орденов). При этом в России произошло соединение православной и общехристианской символики с системой государственных символов (в государственном гербе, а также гербах и флагах шести субъектов Федерации, орденах Святого Георгия и Святого апостола Андрея Первозванного и т.д.). Подобная эклектика, со-

⁹ Соглашение о сотрудничестве Министерства обороны Республики Беларусь и Белорусской православной церкви. URL: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/Dir0526/Page0530.html>.

¹⁰ Соглашение о сотрудничестве с Министерством обороны. URL: http://v-pobeda.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=58:2012-01-19-06-25-30&catid=39:2012-01-19-05-12-27&Itemid=65.

⁸ Церковь и армия. Официальный портал Белорусской православной церкви. URL: <http://exarchate.by/resource/Dir0056/Dir0083/Page0117.html>.

единяющая советское и имперское, составной частью которого было и православное (Российская империя была именно православной), очевидно, должна была в современной России символизировать преемственность как дореволюционной государственности, так и советского проекта. И в этом качестве интеграция в государственные символы религиозной символики как одного из маркеров Российской империи выглядит вполне закономерно.

В Беларуси ситуация несколько иная. В 1993 г. решением Верховного Совета Республики в качестве государственных символов Беларуси были восстановлены флаг и герб Белорусской Народной Республики 1918 г. Герб, так называемая «погоня», со всадником с золотым шестиконечным крестом на щите был практически идентичен такому же восстановленному гербу Республики Литва и гербу Великого княжества Литовского. По сути, такой выбор являлся маркером цивилизационной идентичности. Поэтому неслучайно, что на первом белорусском референдуме 14 мая 1995 г. наряду с вопросами, связанными с конституционной реформой и статусом русского языка, был задан вопрос и о возвращении, по сути, советской символики (правда, герб «погоня» сохранился на гербах двух областей и нескольких городов Беларуси). Как отметил В. Г. Шадурский, с референдума 1995 г. начался новый этап исторической политики, характеризующийся отходом от политики национально-государственного строительства на этнической основе и сокращением государственной поддержки национальной версии белорусской истории [18], что наглядно проявилось и в переформатировании символической системы.

Религиозный фактор играет важную роль в формировании системы государственных праздников России и Беларуси. Это непосредственно связано с приобщением к определенной исторической и культурной традиции. В России два дня среди нерабочих праздничных дней (Рождество Христово и День народного единства) и еще два среди 135 профессиональных праздников и памятных дней (День славянской письменности и культуры в праздник памяти святых Кирилла и Мефодия и памятная дата России — День крещения Руси) непосредственно связаны с православной традицией. Существуют еще праздничные дни, установленные в субъектах Российской Федерации, связанные

с преобладающей или значимой в этих регионах религией: Курбан-байрам и Ураза-байрам (в семи поволжских и северокавказских регионах, а также Республике Крым), День рождения Будды Шакьямуни в Калмыкии, Радоница (в Пензенской, Саратовской и Брянской областях), Троица и Светлый понедельник (в Республике Крым и Севастополе), национальные праздники, связанные в том числе и с религиозными традициями (Цаган Сар в Республике Алтай, Бурятии, Калмыкии, Хакасии и Якутии; Ысыах в Якутии и др.).

В Беларуси в системе государственных праздников выделяются религиозные праздничные дни, к числу которых относится Рождество Христово (православное и католическое), Пасха (по календарю православной и католической конфессий), Радуница (по православному календарю) и День памяти (день поминания предков в православной и католической традиции)¹¹. Помимо очевидного отличия, проявляющегося в демонстрации символической значимости на общегосударственном уровне праздников двух конфессий, в Беларуси по сравнению с Россией, где неправославные праздники отмечаются только на уровне регионов, есть еще довольно значимые особенности. В России День народного единства и два упомянутых выше памятных дня имеют одновременно и религиозное, и гражданское значение. Например, День народного единства, напоминающий о единении народов России в преодолении «смутного времени» в начале XVII в., совпадает с праздником иконы Казанской Божьей матери.

Принципиальное отличие России от Беларуси в том, что в Беларуси религиозные организации никогда не выступали инициаторами введения нового праздника. В России подобное отмечалось в случае с Днем народного единства (инициатива его введения принадлежала Межрелигиозному совету России), Днем крещения Руси (Архиерейский Собор РПЦ обращался к Президенту России с соответствующим предложением).

Если говорить о религиозных сюжетах и символах на юбилейных монетах и почтовых марках, то и в России, и в Беларуси они достаточно широко представлены. Правда, в Беларуси на денежных знаках, находящихся в обращении,

¹¹ Официальный интернет-портал президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/prazdniki_ru.

только на одной банкноте имеются религиозные образы — Спасо-Преображенская церковь и крест Ефросинии Полоцкой, в России же из девяти находящихся в обращении бумажных денежных знаков на четырех присутствуют изображения, связанные с православием.

В российской практике коммеморации религиозный фактор также присутствует более значимо. Памятники патриархам, святителям, православным подвижникам могут появляться как по инициативе РПЦ церкви (например, памятник патриарху Гермогену в Москве в 2013 г.), так и общественных организаций и частных лиц (например, упомянутые выше проекты Военно-исторического общества, Фонда славянской письменности и культуры и др.). Открытие таких памятников может приобретать общероссийское значение в контексте политики памяти. Например, открытие памятника святому равноапостольному князю Владимиру в День народного единства 4 ноября 2016 г. в присутствии Президента, председателя Правительства и практически всех первых лиц государства стало, по словам В. Путина, значимым событием для всей страны, данью уважения «почитаемому святому, государственному деятелю и воину, духовному основателю государства Российского». Характерно, что, помимо Патриарха, который провел освящение памятника и выступил с речью, на церемонии также присутствовали лидеры всех крупнейших российских религиозных организаций. Безусловно, в практиках коммеморации, в которых присутствует религиозная составляющая, абсолютно доминируют православные сюжеты, но это отчасти может объясняться спецификой иных (в первую очередь исламской) религиозных традиций.

В Беларуси, как уже было сказано, религиозная составляющая в коммеморативных практиках чуть менее заметна. Например, в Минске в государственном списке историко-культурных ценностей нет ни одного памятника религиозным деятелям. Однако памятники религиозного содержания в Беларуси открываются: скульптура «Покров Пресвятой Богородицы» в Молодечно в 2011 г., памятник патриарху Алексию II в Витебске (2013), преподобной Евфросинии Полоцкой в Полоцке (2000), памятный знак в честь 500-летия явления Минской иконы Божьей Матери в Минске (2015) и ряд других. Характерно, что подавляющее большинство подобных памятников открылось после 2000 г.,

когда, по данным ряда исследователей, «наметилась тенденция выстраивать единую историю Беларуси с эпохи Средневековья до наших дней, представляя советский и постсоветский периоды как естественное продолжение дореволюционной истории», а среди исторических личностей — «персонификаторов» идентичности появились такие религиозные деятели, как святые Ефросиния Полоцкая и Кирилл Туровский [19].

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Политика памяти может проявлять себя также в контексте интеграционных проектов России и Беларуси. Безусловно, и создание Союзного государства, и дальнейшие проекты их взаимной экономической и культурной интеграции опирались на факт общего прошлого, которое выступало одним из ценностных оснований единства двух государств. Так, и Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии от 02.04.1996, и Договор о Союзе Беларуси и России от 02.04.1997, а также Договор о создании Союзного государства от 08.12.1999 апеллировали к «общности исторических судеб»¹². Однако религиозный фактор в указанных соглашениях не проявлялся. Да, в преамбуле Договора о Союзе говорилось о «духовной близости» народов (положение, исчезнувшее затем в Договоре о создании Союзного государства), и одной из целей Сообщества провозглашалось создание равных условий духовного развития личности (статья 1), но «духовное», как известно, является более широким понятием по сравнению с «религиозным». Характерно, что в итоговом Договоре 1999 г. фиксировалось, что Союзное государство является светским (ст. 5), при том что в Конституции самой Республики Беларусь принцип светскости государства не провозглашается.

После конституционного референдума 1994 г., как отмечают Е. Бикетова и Ю. Чернышов, базисом нацистроительства в Беларуси становится панславистская идея об общности происхождения белорусов, украинцев и русских, исторической близости их языков и культур. Но эта тенденция четко фиксировалась только до 2010 г., после чего была несколько скорректи-

¹² Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии. URL: www.soyuz.by/about/docs/dgovor2; Договор о Союзе Беларуси и России. URL: www.soyuz.by/about/docs/dogovor3; Договор о создании Союзного государства. URL: www.soyuz.by/about/docs/dogovor5.

рована [20, с. 101]. Однако в рамках совместных интеграционных проектов долгое время религиозный фактор был не сильно заметен.

Начиная с середины 1980-х гг. в Советском Союзе начинают проводить праздничные дни славянской письменности и культуры, приуроченные ко дню памяти святых Кирилла и Мефодия и сопряженные с большим количеством историко-культурных мероприятий, в которых все более активно участвуют представители православной церкви. В 1990 г. Минск даже стал столицей этого праздника. После распада СССР в России традиция празднования была сохранена, а в Белоруссии был введен национальный праздник — День белорусской письменности. В рамках российского мероприятия наиболее масштабные международные проекты, в которых проявляется религиозный фактор, организуются Международным фондом славянской письменности и культуры, созданном еще в 1989 г. по благословению Патриарха Алексия II.

Религиозный фактор стал более заметным в середине 2000-х гг. в идеологических концепциях, имеющих интеграционный потенциал. Их актуализация стала особенно востребованной на фоне все обостряющихся экономических противоречий и торговых войн между Россией и Беларусью, начало которым было положено в 2006–2009 гг. В этих условиях адекватный ответ на вопрос об общих ценностных и духовных основаниях союза двух государств стал как никогда важен. К таким концепциям относится в первую очередь «Святая Русь», понимаемая церковью как общее цивилизационное пространство восточнославянских народов, имеющих общее историческое прошлое, как исторически сформированное духовное единство России, Украины и Белоруссии, в основе которого лежит православная вера¹³. Концепция «Святой Руси» стала ценностной основой проекта «Русский мир». При всем многообразии его интерпретаций в контексте данной публикации важно, что общность, которую он стремится консолидировать, имеет, с точки зрения РПЦ, ключевую сущностную характеристику в виде принадлежности к православию (помимо языка и культуры)¹⁴.

Именно эта характеристика позволяла ряду исследователей рассматривать «Русский мир» как цивилизационный проект Русской православной церкви и считать, что его границы тождественны понятию «канонической территории», закрепленному в Уставе РПЦ [21]. При этом немаловажно, что проект «Русский мир» в 2010–2014 гг. де-факто стал частью внутренней и внешней политики России [22]. Однако ни концепция «Святой Руси», ни проект «Русский мир» не сформировали ту ценностную основу, на которой могла бы реализовываться дальнейшая интеграция двух государств. Это была, скорее, попытка сформировать новые элементы «мягкой силы» России с использованием религиозного фактора, которые пока не нашли признания в Беларуси.

Выводы

Допустимо заключение, что в России и Беларуси религиозный фактор задает контекст, в котором реализуются значимые элементы политики памяти, оказывающие влияние на процессы социализации населения в аспектах, связанных с приобщением к исторической традиции. В обеих странах отсутствуют религиозные организации, которые в масштабах государства имеют возможность транслировать собственный альтернативный дискурс памяти, не совпадающий или противоречащий дискурсу государственных институтов или контролируемым государствами агентам социализации. Религиозные организации могут формировать только дополняющий дискурс памяти, в ряде случаев расширять смыслы, транслируемые государством, легитимировать их религиозной традицией. Избирательное взаимодействие государства с религиозными организациями в рамках процессов социализации, связанных с приобщением к исторической традиции через систему государственного образования и Вооруженных сил, характерно для обеих стран. Критерием здесь выступает их традиционность, де-факто, а в Беларуси и де-юре предопределяющая возможности совместных проектов и присутствие в символическом пространстве двух государств. При этом в Беларуси взаимодействие государства с религиозными объединениями при реализации политики памяти

¹³ Определение Освященного Архиерейского Собора Русской православной церкви «О единстве Церкви». URL: www.patriarchia.ru/db/text/428916.html.

¹⁴ Собор называет единство Святой Руси «величайшим достоянием» народов России, Украины и Белоруссии. Ин-

терфакс-Религия. 27.06.2008. URL: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=25181 (дата обращения: 20.06.2019).

ограничивается исключительно БПЦ. В России их круг более широк, но РПЦ также является ключевым игроком. Также в России, в отличие от Беларуси, религиозные организации могут выступать и субъектами политики памяти. Однако попытки задействовать религиозный фактор при решении задач интеграции двух государств, выстраивая ценностные основания на концепциях общего исторического прошлого, пока не увенчались успехом, но подобная возможность остается.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миллер А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2013;4(71):114–126.
2. Сыров В. Н., Головашина О. В., Аникин Д. А. и др. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск: ИД Томского гос. ун-та; 2019. 221 с.
3. Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов. Миллер А. И., Ефременко Д. В., ред. М.; СПб.: Нестор-История; 2018. 223 с.
4. Бордюгов Г., Бухарев А. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М.: АИРО-XXI; 2011. 247 с.
5. Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013;(4):106–123.
6. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат; 2017. 181 с.
7. Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Аймермахер К., Бордюгов Г., ред. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX; 2003. 432 с.
8. Национальные истории на постсоветском пространстве — II. Бомсдорф Ф., Бордюгов Г., ред. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI; 2009. 372 с.
9. Митрофанова А. В. Политизация «православного мира». М.: Наука; 2004. 293 с.
10. Растимешина Т. В. Политика российского государства в отношении культурного наследия церкви: традиционные подходы и инновационные технологии. М.: МГОУ; 2012. 291 с.
11. Донцев С. П. Политика памяти в контексте институциональных взаимодействий Русской православной церкви и государства в современной России. *Политическая наука*. 2018;(3):110–128.
12. Шевцов Ю. Объединенная нация. Феномен Беларуси. М.: Европа; 2006. 256 с.
13. Уварова Т. Б. Новое российское пограничье: постсоветская Беларусь в социально-антропологическом ракурсе. *Россия и современный мир*. 2018;1(98):172–187.
14. Курило Н. А. Ценности как существенное основание интеграционной политики республики Беларусь. *Научные труды Республиканского института высшей школы*. 2015;(14):60–66.
15. Донцев С. П. Русская православная церковь и государство на рубеже XX–XXI вв.: проблемы взаимодействия. М.: РГГУ; 2014. 230 с.
16. Борисов Н. А. Формирование национальной идеологии и проблемы легитимности политического режима: на примере идеологии белорусского государства. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. 2012;1(82):29–40.
17. Донцев С. П. Государство, армия, церковь: вопросы институционального взаимодействия. *Право и государство: теория и практика*. 2015;1(121):42–47.
18. Шадурский В. Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого. Труды факультета международных отношений Белорусского государственного университета: научный сборник. Вып. 5. Минск: БГУ; 2014. 160 с.
19. Семенов И. С., Лапкин В. В., Бардин А. Л., Пантин В. И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. *Полис. Политические исследования*. 2017;(5):54–78.
20. Бикетова Е. А., Чернышов Ю. Г. Нацестроительство республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018;62(1):94–103.
21. Алейникова С. М. «Русский мир», «каноническая территория» и «Святая Русь»: соотношение понятий. Религия и общество. Сб. науч. ст. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова; 2016. 380 с.
22. Пивовар Е. И. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве. Гуманитарные чтения РГГУ-2010. М.: РГГУ; 2010.

REFERENCES

1. Miller A. I. The Role of expert communities in the politics of memory in Russia. *Politia: Analiz. Khronoka. Prognoz.* 2013;4(71):114–126. (In Russ.).
2. Syrov V. N., Golovkina O. V., Anikin D. A. et al. The conceptual basis of memory policy and prospects of post-national identity. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University; 2019. 221 p. (In Russ.).
3. Methodological issues of studying memory policy: A collection of scientific papers. Miller A. I., Efremenko D. V., eds. Moscow, St. Petersburg: Nestor-History; 2018. 223 p. (In Russ.).
4. Bordyugov G., Bukharev A. Yesterday's tomorrow: How "national stories" were written in the USSR and how they are written now. Moscow: AIRO-XXI; 2011. 247 p. (In Russ.).
5. Achkasov V. A. "Politics of memory" as a tool for building post-socialist nations. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii.* 2013;(4):106–123. (In Russ.).
6. Titov V. V. The politics of memory and formation of national-state identity: The Russian experience and new trends. Moscow: Vash format; 2017. 181 p. (In Russ.).
7. National history in Soviet and post-Soviet States. K. Eimermacher, G. Bordugov, eds. Moscow: Friedrich Naumann Foundation, AIRO-XX; 2003. 432 p. (In Russ.).
8. National history in the post-Soviet space — II. Bomsdorf F., Bordyugov G., eds. Moscow: Friedrich Naumann Foundation, AIRO-XXI; 2009. 372 p. (In Russ.).
9. Mitrofanova A. V. The politicisation of orthodox world. Moscow: Nauka; 2004. 293 p. (In Russ.).
10. Rastimeshina T. V. Policy of the Russian state about the cultural heritage of the Church: Traditional approaches and innovative technologies. Moscow: MGOU; 2012. 291 p. (In Russ.).
11. Dontsev S. P. The Politics of Memory in the context of institutional interactions of the Russian Orthodox Church and the state in modern Russia. *Polilicheskaya nauka.* 2018;(3):110–128. (In Russ.).
12. Shevtsov Y. United Nation. The Phenomenon of Belarus. Moscow: Europe; 256 p. (In Russ.).
13. Uvarova T. B. New Russian borderland: Post-Soviet Belarus from a socio-anthropological perspective. *Rossia i sovremenniy mir.* 2018;1(98):172–187. (In Russ.).
14. Kurilo N. A. Values as an essential basis of the integration policy of the Republic of Belarus. *Nauchnye trudy vyshey shkoly.* 2015;(14):60–66. (In Russ.).
15. Dontsev S. P. The Russian Orthodox Church and the State at the turn of XX–XXI centuries: Problems of interaction. Moscow: Russian State Humanitarian University; 2014. 230 p. (In Russ.).
16. Borisov N. A. Formation of national ideology and the problem of legitimacy of the political regime: On the example of the ideology of the Belarusian state. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie.* 2012;1(82):29–40. (In Russ.).
17. Dontsev S. P. State, Army, Church: The issues of institutional interaction. *Pravo i gosudarstvo: teoria i practica.* 2015;1(121):42–47. (In Russ.).
18. Shadursky V. G. Historical policy in the Republic of Belarus: stages of development and versions of interpretation of the past. *Trudy fakulteta mezhdunarodnyh otnosheniy Belorusskogo gosugarstvennogo universiteta.* Minsk: BSU. 2014;(5):9–24. (In Russ.).
19. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Bardin A. L., Pantin V. I. Between the state and the nation: Dilemmas of identity policy in the post-Soviet space. *Polis. Polticheskie issledovania.* 2017;(5):54–78. (In Russ.).
20. Biketova E. A., Chernyshov Yu. G. Nation-building of the Republic of Belarus and the European component of the Belarusian identity. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World economy and international relations.* 2018;1(62):94–103. (In Russ.).
21. Aleinikova S. M. "Russian world", "canonical territory" and "Holy Russia": The ratio of concepts. *Religiya i obshestvo.* 2016:11–14. (In Russ.).
22. Pivovar E. I. Russian language and the Russian world as factors of social and cultural dialogue in the post-Soviet space. *Gumanitarnye chtenia.* Moscow: RGGU; 2010:167–170. (In Russ.).